

ЕЩЕ РАЗ О «ЖУРАВЛЯХ» РАСУЛА ГАМЗАТОВА

МИХАИЛ ГРЕБНЕВ

Родился в 1953 году. Переводчик с английского и португальского языков, работал на редактор в издательствах и на переводчик с русского на английский в агентствах новостей. В его переводе ежегодно

переиздаются сказки Беатрис Поттер «Все о Кролике Питере». Переводил детективную литературу (Джон Ле Карре, Эд Манбейн), специальную (Невин Мангипси, Дэвид Нич, «Гольф: раритеты и реликвии. История гольфа в восем-

надцати лунках», 2006), историческую (Деннис Данн, «Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве»). В журнале «Иностранная литература» (2023, №1) в его переводе опубликованы «Сказки о паровозах» У. Одри.

Наум Гребнев (1921–1988) – переводчик классической и современной поэзии Востока, фольклора Кавказа и Средней Азии, в их числе «Поэма о скрытом смысле» Джалаладдина Руми, поэзия Насими, «Наука быть счастливым» Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского, «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци (стихи из III главы: «Концерт для хора» А. Шнитке), «Книга псалмов» в стихотворном переложении, стихи Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Расула Гамзатова, в том числе песня «Журавли».

Расул Гамзатов (1923–2003) – аварский поэт, прозаик, публицист, советский и российский общественный и политический деятель, переводчик русской классической поэзии. Народный поэт Дагестанской АССР (1959), заслуженный деятель искусств Республики Дагестан (2003). Автор ряда стихов, на которые положены песни, в том числе «Журавли». В 2023 году отмечалось столетие со дня рождения поэта.

Отец начал писать стихи на фронте. В его первой книге «Правое дело» 1948 года есть и переводы, в том числе стихотворение аварца Расула Гамзатова о погибшем брате «Ахильчи». После тяжелого ранения 12 января 1944 года отец поехал в эвакуацию в Ташкент, где находилась мать, работавшая переводчицей в Союзе писателей. Еще раньше она показывала стихи отца Анне Ахматовой, которая тоже была в Ташкенте. Ахматова написала отцу на фронт. Между ними завязалась переписка. И вот теперь, онажившись в Ташкенте, отец познакомился с ней. Они подружились. И Ахматова нацелила отца на переводы.

Отец учился с Расулом в Литинституте, там и началась их дружба. Литинститут был очень важной ступенью для творчества отца и Расула.

↑ На снимке (слева направо): в первом ряду — Б. Оленин, Е. Николаевская, Б. Димитрова, П. Антокольский, Г. Поженян, И. Нобзев; во втором ряду — В. Бахнов, Р. Плятт, Н. Гребнев, В. Снворцова, В. Гончаров, В. Сидорин, Р. Гамзатов; в третьем ряду — М. Налиновский, Е. Виноуров, В. Солоухин, А. Храбровицкий

Там были прекрасные преподаватели, и они очень много дали молодым литераторам*. Отец пишет, «мы обчитывали друг друга стихами». Сохранилась фотография, на ней Елена Николаевская, Павел Антокольский, Григорий Поженян, Игорь Нобзев, Владлен Бахнов, Винтор Гончаров, Расул Гамзатов, Евгений Виноуров, Владимир Солоухин. Это все поэты и писатели, чьи имена так или иначе остались в литературе в дальнейшем. В 1948 году вышла книга стихов Р. Гамзатова «Земля моя», включившая переводы отца. Начиная с института отец переводил стихи разных поэтов, в 1947 году вышла книга «Молодой Дагестан. Сборник стихов молодых поэтов» в переводе Н. Гребнева и Я. Козловского.

Отец Расула, Гамзат Цадаса (1877–1951), был аварским поэтом и драматургом, лауреатом Сталинской премии (1951). А в двадцатые годы был членом шариатского суда, позднее — редактором газеты «Красные горы», с 1925 года — депутатом Хунзахского совета. С 1950 года стал депутатом Верховного совета СССР. У меня хранится фотография: студенты Литинститута вместе с преподавателем в доме у Гамзата Цадасы.

Мама рассказывала, что у Гамзата Цадасы был очень гостеприимный дом. Дверь не запиралась. Стояли тазы с фруктами и овощами для приготовления угощения. Стихи Гамзата Цадасы Наум Гребнев также переводил.

* О Литинституте и о тех годах, в том числе о Расуле, написал Бенедикт Сарнов в книге «Скуки не было. Первая книга воспоминаний» (М., 2004). Можно также посмотреть сборник «Воспоминания о Литинституте» (М., 1983).

И после смерти Цадасы уже в доме Расула Гамзатова была комната с постеленными постелями, где случайный гость — кто угодно, и нищий, и бродяга — мог переночевать. Такое великодушие весьма поучительно, говорила мама.

Жена Расула Гамзатова, Патимат, жаловалась: каждый день приходит обедать большое количество народа. Нет сил всем готовить. Никогда не знаешь, сколько придет на обед, а приходят и чужие, и дальние родственники. А в Дагестане быть негостеприимным — непростительный грех. Бывало, с гор приходил неизвестный человек, садился за стол. Это считалось нормальным — как благословение дома. Никто ни о чем не спрашивал.

— А если он убийца? — спрашивала моя мама.

Ему не задают вопросов, объясняла Патимат. Дагестанцы должны быть гостеприимными, делиться своей едой с гостем. Предоставлять кров. Так поступали и отец Расула, и дед. Отец Расула, Гамзат Цадаса, был глубоко верующим человеком, в детстве учился в медресе.

ЖУРАВЛИ

Журнал «Новый мир» читала вся интеллигенция, и там в четвертом номере за 1968 год Марк Бернес прочитал стихотворение «Журавли». Марк Бернес был знаком с отцом по дачной компании в поселке Быново, и наш телефон у него был записан в записной книжке: поэтому набрал номер без труда. Я могу предполагать, что отец сопротивлялся недолго просьбе Бернеса сделать песню для более широкой аудитории. Конечно, думаю, отцу было жаль такой красивой строчки, где «с криком журавлиным от вена речь аварская сходна».

В книжные издания обыкновенно включалось первоначальное стихотворение «Журавли», где «с криком журавлиным от вена речь аварская сходна», — в нескольких вариантах. А в песне «Журавли» этих вкраплений, указывающих на Дагестан, нет. Когда стихи владутся в основу песни, они могут изменяться. Отец переводил десятки книг народных песен, фольклора, поэтому стихи в его переводе достаточно напевны и словно просятся в песню. Несколько раз позднее отец вносил изменения в стихотворение.

Позвонили Расулу, как он отнесется к удалению дагестанских вкраплений, и Марк поговорил с Расулом. И отец, и Расул хотели пойти навстречу этому чудесному исполнителю. Позднее Гамзатов писал об этих переговорах об изменении текста стихотворения для песни, о сочинении песенного варианта: «Вместе с переводчиком мы сочли пожелания певца справедливыми [оправданными]. Это как бы расширило адрес песни, придало ей общечеловеческое звучание». Возможно, Бернес тревожился, что отец и Расул не захотят лишать стихотворение дагестанского колорита для песни, которую он задумал, и даже с кем-то поделился своими опасениями до звонка отцу. Но отец был очень стремительный и быстрый человек, по маминому выражению, «с мотором», — и очень покладистый: согласившись, он быстро сделал песенный вариант. Ну, быстро — это значит через два часа или на другой день: он вообще работал много и много успевал. В конце концов, стихотворение оставалось нетронутым — Бернес лишь просил сделать вариант для песни.

Никакого конфликта между отцом и Бернесом не было, как потом живописали завистники в своих литературных воспоминаниях и как

† Наум Гребнев. Нальчин, 1958 год

† Обложка книги Расула Гамзатова «Журавли»

«драматично» изображали кинорежиссеры в ряде документальных фильмов. Когда песня была готова, Марк Бернес позвонил и напел в телефон, а папа записал на магнитофон, пришел на кухню, где мы сидели с мамой и бабушкой, и, стоя в дверях и приподняв портативный магнитофон, запустил пленку. Тогда я впервые услышал песню. Папа был очень доволен. И когда летом 1969 года вышла первая маленькая гибкая пластинка на 33 оборота, он понес ее послушать 21-летнему Леониду Бахнову, сыну его друга, — услышать мнение молодежи. Леонид, ценитель музыки, сказал, что песня его «ошарашила».

Несколько раз ко мне обращались с телевидения с просьбой дать интервью, рассказать об истории этой песни, о Гамзатове. Когда выходил очередной фильм, становилось понятно, что его создателей не интересовали ни стихи, ни поэзия, ни поэт Расул Гамзатов, ни поэт-переводчик Наум Гребнев, ни сами грозные события, которым посвящена песня и участниками которых в той или иной степени стали авторы стихов и песни. Режиссеров и сценаристов этих телефильмов интересовали только Бернес и его отношения с композитором, Яном Френнелем, кому Бернес позвонил первому, что именно говорил, а также в какой момент позвонил Яну Френнелю и как сочинял музыку композитор. Для справедливости надо сказать, что и Марк Бернес их интересовал очень выборочно. Однажды у меня брали интервью, и я пригласил Леонида Бахнова, который интересно рассказывал о «микрофонном исполнителе» около полутора часов. В эфир из его рассказа попала одна минута.

Но почему бы не поговорить непосредственно о поэзии, о самих стихах?

*Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..
28 октября 1871 года, Югенгейм, близ Рейна*

А еще раньше наш классик В.А. Жуновский (1783–1852) в «Ивиновых журавлях» в 1813 году связал этих птиц с тревогой и печальными мыслями.

Их жалобно-стелющийся глас.

Следом за «стелющимся» «летят, стелют, журавли» у Зинаиды Гиппиус (1869–1945) в стихотворении «Журавли» — с болью о родной земле.

*Не туда ль, по тверди глубинной,
Не туда ль, вереницею длинной,
Летят, стелют, журавли?
Какою мерой порыв измерить?
О дай мне, о дай мне верить
В счастье моей земли!*

Вот так на отработанный в русской поэзии воздушный маршрут вылетели гамзатовские журавли.

СТИХИ О СМЕРТИ

«Журавли» — не единственное стихотворение о смерти у Гамзатова, у поэта целый ряд стихов, наполненных и скорбью, и сочувствием. И утешением для людей.

Вот одно из самых известных:

*Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей —
Ее слагает мать над колыбелью.*

*Вторая — тоже песня матерей.
Рукою гладя щеки ледяные,
Ее поют над гробом сыновей...
А третья песня — песни остальные.*

А вот еще:

*Если с теми, с кем мы жили рядом,
Нам, погибнув, встретиться дано,
Умереть мне поскорее надо,
Я об этом думаю давно.*

*А не то, как я приду к погибшим,
Головы сложившим на войне,
Что — старик — скажу им, юным, бывшим
В этой жизни сверстниками мне?*

Одно из моих любимых, «Утро и вечер»:

*Утро и вечер, солнце и мрак –
Белый рыбак, черный рыбак.
В мире как в море; и кажется мне:
Мы, словно рыбы, плывем в глубине.*

*В мире как в море; не спят рыбаки,
Сети готовят и ладят крючки.
В сети ли ночи, на удочку дня
Скоро ли время поймает меня?*

Одно из первых стихов о смерти, 1948 года, посвящено Ахильчи, одному из двух братьев Гамзатова, не вернувшихся с войны. Позднее, в сборнике «Восьмистишия»* (1962), мы находим новое стихотворение:

*Уж двадцать лет, как двое братьев милых
Погибли в неизвестном мне краю,
И двадцать лет во сне на их могилах
Я – третий брат – стою и слезы лью.*

*Весь мир исколесив, сумел понять я:
В любом краю земли, в любой стране
Все люди мира – тоже третьи братья
Погибших и пропавших на войне.*

Скорбь об ушедших друзьях звучит также в стихотворении «Есть глаза у цветов»:

*В душу нам глядят цветы земли,
Добрим взглядом всех, кто с нами рядом,
Или же потусторонним взглядом
Всех друзей, что навсегда ушли.*

В 1963 году Норней Чуновский писал: «Сегодня но мне привязались стихи. Что бы я ни делал, куда бы ни шел, я повторяю их опять и опять:

*Дорогая моя, мне в дорогу пора,
Я с собою добра не беру.
Оставляю весенние эти ветра,
Шебетание птиц поутру...*

Конечно, самая тема стихов по очень понятной причине не может не найти отголоска в каждой стариновской душе. Но думаю, они никогда не преследовали бы меня так неотступно, если бы в них не было музыки. Прочтите их вслух, и вы живо почувствуете, как приманчивы эти певучие строки, которые наперекор своей горестной теме звучат так победно и мужественно. Прочтите их вслух, и вам станет понятно, почему и в комнате, и в саду, и на улице я сегодня повторяю их опять и опять:

* Р. Гамзатов, «Восьмистишия и надписи», перевод с аварского Н. Гребнева. Библиотека «Гонимый», №7, 1962 год.

*Дорогая моя, мне в дорогу пора,
Я с собой добра не беру...*

Этот щедрый, широкий анапест, органически слитый с торжественной темой стихов — *ра-ро-ра-ру*, которыми так искусно озвучен весь стих, сами собою побуждают к напеву. И мудрено ли, что этот напев не покидает меня сегодня весь день:

Дорогая моя, мне в дорогу пора...

Чьи это стихи? Никан не вспомню. Старого поэта или нового? Не может быть, чтобы это был перевод: такое в них свободное дыхание, так они естественны в каждой своей интонации, так крепко связаны с русской традиционной мелодией.

В них нет ничего “переводческого”, ни малейшей натуги, никакого насилия над синтаксисом.

Поэтому я был так удивлен, когда кто-то из домашних, услышав, какие слова я бормочу целый день, сообщил мне, что это стихи знаменитого дагестанца Расула Гамзатова «Высокие звезды», переведенные поэтом Н. Гребневым с аварского на русский язык <...>

Перед советским читателем у него есть большая заслуга: долгим и упорным трудом он создал одну за другой две немаловажные книги — две антологии народных стихов. В одну из них вошли переведенные им сотни (не десятки, а сотни!) песен различных кавказских народностей, а в другой столь же богато представлен, только в его переводах, среднеазиатский фольклор: узбекские, таджинские, киргизские, туркменские, уйгурские, караналпанские песни.

Не будь Расул Гамзатов народным поэтом, Гребнев, я думаю, даже пытаться не стал бы переводить его песни. Он любит и умеет воссоздавать в переводах народную фольклорную поэзию или ту, которая родственна ей*.

Отец переводил очень много народных песен и фольклора. В переводе Н. Гребнева выходили «Дагестанская народная лирика», «Балкарская народная лирика», «Из набардинской народной лирики», «Песни далеких лет: Из осетинского фольклора», сборники песен Северного Кавказа, Казахстана, «Народная лирика Киргизии», «Народная лирика Узбекистана», «Препесня: Из армянской народной поэзии», «Абхазская народная поэзия», «Родники в песках: Из туркменской народной поэзии», «Из болгарской народной поэзии», «Песни мадьяр», «Три солнца: Из грузинской народной поэзии», «Песни аратов: Из монгольской народной поэзии», «Медресе любви: Персидская народная поэзия».

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Расул то и дело возвращается к теме перевоплощения. Тема перевоплощения человека в птицу, даже в цветок звучит у Расула и в других стихах.

* К. И. Чуковский, «Высокие звёзды». Литературная газета, №105, 31 августа 1963 года (о книгах «Песни безымянных певцов. Народная лирика Северного Кавказа». Переводы Н. Гребнева. Махачкала, 1960. «Песни былых времен. Лирика народов Средней Азии». Перевод Н. Гребнева, Ташкент, 1961).

*Буддисты верят – смерти нет для них,
Что все равно душа их воплотится
В существ земли каких-нибудь других –
Не в человека – так в цветок иль птицу.*

*Каков бы ни был – малый иль большой,
Я, стихотворец, мог ли не стремиться
К тому, чтобы при жизни стать душой
И человека, и цветка, и птицы.*

В этом стихотворении Расул говорит о творческом перевоплощении. А вот еще:

*В Индии считается, что змеи
Первыми на землю приползли.
Горцы верят, что орлы древнее
Прочих обитателей земли.*

*Я же склонен думать, что вначале
Появились люди, и позднее
Многие из них орлами стали,
А иные превратились в змей.*

Здесь превращение человека в змею или в орла — очевидно шутовское. И все же ход мысли поэта связан с мифологией.

В стихотворении «Есть глаза у цветов» (сборник «Четки лет») 1969 года метаморфоза происходит с цветами: они оживают и сочувственно глядят на нас.

*С целым миром спорить я готов,
Я готов поклясться головою
В том, что есть глаза у всех цветов,
И они глядят на нас с тобою.*

Цветы, растения играют свою, особенную роль в мифопоэтических представлениях. В народном восприятии, в сказках, деревья ведут себя подобно живым существам: им больно, если их спиливают или срубают: они будут кричать, жаловаться, они умеют говорить между собой. С деревьями связано много поверий и примет. Распространены представления о характерных духах растений: «хлебная женщина», «мать риса», «овсяная невеста», «ржаные собачки». В фокус мифологизации попадает не только растение, но и его часть — зернышко, цветок, созревший фрукт*. Расул поведал нам мифопоэтическую правду о цветах.

*Кто не верит, всех зову я в сад,
Видите, моргая еле-еле,
На людей доверчиво глядят
Все цветы, как дети в колыбели.*

* См. «Мифы народов мира». М., 1982, т. 2, статья «Растения», В.Н. Топоров.

* * *

*Мудрец порой глупеет, если пьет...
Бывает, впрочем, и наоборот.*

* * *

*Ты льешь вино и пьешь,
Как царь и повелитель,
Постой, еще поймешь,
Что ты его служитель.*

* * *

*Пить можно всем,
Необходимо только
Знать, где и с кем,
За что, когда и сколько.*

Эта последняя, знаменитая гамзатовская мудрость была начертана на стене кафе в Центральном доме литераторов. Ну, и как водится, там не было указано, что это перевод Н. Гребнева. Зато я сейчас напоминаю об этом — и все стихи Гамзатова в этой статье также в переводе отца.

Мать, Ноэми Гребнева (1923–2016), художник-график, оформила за жизнь около ста книг, в том числе книги в переводе отца, и переводы Гамзатова. Для книги «Сонеты» она сделала профиль Расула как силуэт. Патимат называла маму «нрошна», при этом проглатывая «о» и складывая губы трубочкой: получалось уютное словечко «нрушна». В 2023 году маме, как и Расулу, исполнилось бы сто лет.

